

О.Н. Руднева, Г.В. Ситникова
O.N. Rudneva, G.V. Sitnikova

**ЖЕНСКИЙ ОРИЕНТАЛЬНЫЙ ТРАВЕЛОГ: «ПИСЬМА
 ИЗ ТУРЕЦКОГО ПОСОЛЬСТВА» МЭРИ УОРТЛИ МОНТЕГЮ
 И «ПИСЬМА ИЗ КРЫМА» ЭЛИЗАБЕТ КРЕЙВЕН**

**FEMALE ORIENTAL TRAVELOGUE: "THE TURKISH EMBASSY
 LETTERS" BY LADY MARY WORTLEY MONTAGU AND
 "A JOURNEY THROUGH THE CRIMEA TO CONSTANTINOPLE
 IN A SEIES OF LETTERS" BY ELIZABETH CRAVEN**

Статья посвящена женскому английскому ориентальному травелогу XVIII века. В ней сопоставляются «Письма из турецкого посольства», написанные Мэри Уортли Монтегю – супругой английского посла в Османской империи (1716–1718 гг.), и «Письма из Крыма» созданные Элизабет Крейвен – младшей дочерью графа Огюстена Беркли, женой английского аристократа Уильяма Крейвена, после развода с которым она посетила Тавриду (1786 г.), проявив при этом далеко не женские интересы к краю, недавно вошедшему в состав России. При всем различии подходов к теме Востока, продемонстрированных в турецких письмах М.У. Монтегю и крымских письмах Э. Крейвен, можно констатировать, что обе англичанки размышляли о том, что можно перенять у восточной цивилизации и как использовать не только ее достижения, но и выстроить определенную стратегию внедрения англосаксов на новые территории, аргументируя эти шаги выгодой не для своей родины, а для всего человечества, создавая идеальный образ образованной дамы эпохи Просвещения. Травелог Элизабет Крейвен в отличие от писем, созданных Мэри Уортли Монтегю, характеризует писательницу как человека, которому свойственны больший рационализм, индивидуализм мышления и скептицизм в отношении народов, населяющих Крым второй половины XVIII века.

Ключевые слова: Мэри Уортли Монтегю, Элизабет Крейвен, жанр травелога, женский травелог, турецкие письма, крымские письма, тема Востока, культурные традиции, стратегия англосаксов.

The article is devoted to the female English Oriental travelogue of the 18th century. It compares "The Turkish Embassy Letters" written by Lady Mary Wortley Montagu, the wife of the English ambassador to the Ottoman Empire (1716–1718), and "A Journey Through the Crimea to Constantinople in a series of letters" by Elizabeth Craven, the youngest daughter of Earl Augustin Berkeley and the wife of the English aristocrat William Craven. After she divorced her husband, she visited Taurida (1786), showing far from feminine interests in the region, which had become part of Russia not long before. With all the differences in approaches to the topic of the East, demonstrated in the Turkish letters of Lady Mary Wortley Montagu

and the Crimean letters of Elizabeth Craven, it can be stated that both Englishwomen thought about what could be adopted from the Eastern civilization and how to use not only its achievements, but also to build a certain strategy for the introduction of the Anglo-Saxons into new territories, arguing these steps as benefits not for their homeland, but for all of humanity, creating an ideal image of an educated lady of the Enlightenment. Elizabeth Craven's travelogue, in contrast to the letters created by Lady Mary Wortley Montagu, characterises the writer as a person who is featured by greater rationalism, individualism of thinking and scepticism towards the peoples inhabiting the Crimea of the second half of the 18th century.

Key words: *Lady Mary Wortley Montagu, Elizabeth Craven, travelogue genre, female travelogue, Turkish letters, Crimean letters, Eastern theme, cultural traditions, Anglo-Saxon strategy.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-66-3-11-17

Одним из первых травелогов можно считать «Одиссею» Гомера, герой которой путешествует по фантастическим землям, желая познать и постичь отличный от собственного, итакийского, мир, вырваться за пределы обыденности и увековечить впечатления от увиденного.

Сочинение древнегреческого историка Геродота «История» также содержит в себе описание различных стран и народов, с которыми автор познакомился во время путешествий, а «Анабасис» Ксенофонта включает описание похода греческих наемников, служивших персидскому принцу Киру Младшему, а также их обратного пути в Грецию через территорию современной Турции.

О путешествиях в Северную Европу и за Полярный круг рассказывает «Бортовой дневник античного мореплавателя» Пифея, а древнегреческому философу Павсанию принадлежит книга «Описание Греции».

В эпоху Средневековья и Ренессанса интерес к травелогу не исчезает, хотя сам жанр претерпевает трансформацию: в средние века травелоги чаще всего ассоциируются с религиозными паломничествами, крестовыми походами или торговлей, а в эпоху Возрождения – с желанием образованных людей расширить кругозор, постичь культуру, быт и нравы других народов (Марко Поло, Петрарка, Христофор Колумб, Васко да Гама, Фернан Магеллан и др.).

В Эпоху Просвещения с появлением литературы сентиментализма травелог стал рассматриваться как способ самовыражения автора или героя, как возможность публично размышлять о вечных вопросах бытия и демонстрировать собственные переживания по тому или иному поводу. Классическим примером этого является роман Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие»³.

В Великобритании XVIII века почти каждый именитый писатель и не только обращался к жанру травелога (капитан Джеймс Кук, Александр фон Гумбольдт, позднее – Роберт Льюис Стивенсон). Травелог, в отличие от жанра путевых заметок, предполагающих любые записи, сделанные во время странствия, это художественно оформленный рассказ о путешествии, включающий личные впечатления и наблюдения автора. Путевые заметки считаются жанром художественной публицистики, а травелог содержит в себе личное отношение автора ко всему, что он видит, слышит, осязает и наблюдает. Травелог – любой литературный текст о путешествиях, в том числе и вымышленных (Дж. Свифт. «Путешествия в некоторые отдаленные страны Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей»). Примерами вымышленных произведений в литературе о путешествиях, хотя и имеющих в своей основе реальные поездки, могут

³ Развернутый список травелогов дается в: Иванюк Б.П. Стихотворные травелог, анабасис и катабасис: словарный формат // Филологос. 2022. № 3 (54). С. 63–67.

служить «Сердце тьмы» Дж. Конрада, «В дороге» и «Бродяги Дхармы» Дж. Керуака, написанные в конце XIX и уже в середине XX веков.

Современные исследователи рассматривают травелог как опус, вбирающий в себя особенности нескольких литературных жанров, «характеризующийся также множественными интертекстуальными связями и частыми отступлениями. Основным содержанием травелога, формирующим его характерную особенность, является стремление к правдивому отражению другого мира или места через восприятие путешественника» [1, 82].

О классификации травелога литературоведы сегодня продолжают размышлять и спорить, склоняясь к тому, что этот жанр занимает среднее положение между романом и документальной прозой, своего рода «путеводителем».

С точки зрения Е. Ефимовского [1], в травелоге путешествие может быть реализовано как в реальности, так и метафорически. Травелог обладает повествовательными границами в рамках линейной композиции, четко фиксирующий начало путешествия, его середину и возвращение к исходной точке. Добавим только, что это возвращение не на линию старта, поскольку знакомство с новыми странами и их жителями неизбежно меняет сознание и внутреннее состояние путешественника. «Травелог – не путеводитель, но он часто предлагает различные факты о далеких территориях и людях, включает в себя статистические данные и историческую и справочную информацию <...> Травелог склонен использовать вымышленные средства для интерпретации фактов. Использование метафор, символичность и персонификация отделяет травелог от путеводителя и делает факты и цифры легче воспринимаемыми читателями» [1, 84].

К жанру травелога могли обращаться люди самых разного социального статуса и профессиональной принадлежности – купцы, священники, миссионеры, писатели, дипломаты, ученые, авантюристы. В этом жанре проявляли себя и женщины, создавая так называемую «литературу художественного представления» [1, 87], основанную на зафиксированных во время путешествия впечатлениях.

Целью создания травелога, таким образом, является обобщение и изложение собранных путешественником фактов, деталей, ощущений. «Очевидно, что автор травелога описывает путешествие на основе своего социального статуса, сообразно культурному и духовному уровню, жизненному опыту и собственному восприятию мира, принимая во внимание цели путешествия» [1, 87].

В эпоху Просвещения были довольно широко распространены эпистолярные формы травелога. Так, у образованных представителей Англии существовала традиция отправляться в путешествие после окончания курса обучения, однако женщины-путешественницы могли быть движимы иными целями. Нас интересует специфика женского ориентального травелога, представленного именами Мэри Уортли Монтегю (1689–1762) и Элизабет Крейвен (1750–1828). Мэри Уортли Монтегю считается основоположницей жанра эпистолярного травелога. Ее «Письма из посольства в Турции» стали отправной точкой для создания «Путешествия через Крым в Константинополь в серии писем достопочтенной леди Крейвен его светлости маркграфу Бранденбургскому, Ансбахскому и Байрейтскому, написанных в 1786 году». Впрочем, в отличие от А. Поупа, С. Джонсона, а позднее и Дж. Гордона Байрона, Элизабет Крейвен выскажется о своей литературной предшественнице не слишком лицеприятно: «Я убеждена не только в том, что леди Мэри Уортли Монтегю не писала этих писем, но и что большая их часть составлена мужчиной, имитировавшим изящество женского стиля, а факты в большинстве вымышлены» [2, 289]. Элизабет Крейвен считала себя первооткрывательницей женского травелога.

Попытаемся понять, что позволило Элизабет Крейвен усомниться в авторстве своей соотечественницы.

Мэри Пьерпонт, ставшая в 1712 году женой Эдварда Монтегю, назначенного несколько лет спустя британским послом в Турцию, вошла в историю Соединенного Королевства как пламенная феминистка, внутренне свободная, максимально раскрепощенная, эрудированная женщина, призывавшая дам получать знания, развиваться, духовно совершенствоваться. Она не побоялась развестись со своим супругом, за которого вышла замуж тайно, без благословения родителей, на десять лет утратив расположение собственного отца.

Мэри Уортли Монтегю особенно известна англичанам как женщина, пытавшаяся внедрить в медицинскую практику своей родины прививку от оспы, которой она сама переболела в молодости.

«Турецкие письма» Мэри Уортли Монтегю, вне всякого сомнения, представляют собой образец достаточно смелого женского ориентального травелога, потому что проблемы, которые стремится осмыслить эксцентричная супруга дипломата, не всегда соответствуют сугубо женским интересам того периода времени. Это вопросы религии, политики, войны, управления государством и др.

Мэри Уортли Монтегю была первой европейской женщиной, посетившей Турцию. На всем пути следования до Белграда, осажденного тогда Портою, путников сопровождал австрийский эскорт, сменившийся затем янычарами, которые без всякого стеснения отбирали и у без того нищих местных крестьян провиант, что подтвердило расхожее мнение о жестокости представителей восточной цивилизации. Однако позднее, познакомившись с турками ближе, М. Монтегю заметит, что «эти люди не настолько грубы, как мы думаем о них. Я почти уверена, что у них есть правильное представление о жизни; в то время как они видят жизнь в музыке, садах, вине и вкусной пище, мы истязаем наши рассудки какими-то политическими махинациями и изучением каких-то наук, которые мы никогда не сможем постичь, а если постигнем, то не сможем заставить людей ценить эти достижения» [Цит. по: 4]. Вполне возможно, что такого рода рассуждения имели дипломатический характер, однако изучение турецкого быта, положения женщин, которое на первый взгляд кажется незавидным, приводит англичанку к весьма любопытным и отнюдь не пуританским выводам о сексуальной свободе турчанок, которой не имеют европейские женщины. И это явно рассуждения не мужчины, который не может настолько хорошо знать особенности английского дамского туалета.

Мэри Монтегю прожила с супругом в Стамбуле до 1718 года. Ее интересовала не только жизнь турецких женщин, но и более серьезные вопросы. Как уже отмечалось ранее, путешественница выяснила, что в Турции искоренена заболеваемость оспой. Мэри пожелала, чтобы ее сын был привит от этой болезни, а по возвращении на родину стала всячески продвигать прививку как главное средство борьбы с этим тяжелым заболеванием, нередко заканчивающимся смертью.

Мэри Монтегю во время пребывания в Турции выяснила, что ислам, и в частности, мусульманские священники более лояльны к природе человека, чем протестантские в ее родном государстве. Таким образом, ориентальный травелог М. Монтегю открыл европейцам плохо известную им страну как мир иной культуры, несхожий с западным, но заслуживающий изучения, понимания и уважения.

Безусловно, в «Турецких письмах» представлен весьма субъективный взгляд на Османскую империю, в которой Мэри Монтегю побывала, возможно, в лучшее время Порты. Подобный субъективизм не противоречит специфике жанра травелога.

Травелог Э. Крейвен включает в себя 48 писем. Крымских в нем семь. В этой местности англичанка провела около месяца весной 1786 года. В отличие от М. Монтегю, Элизабет Крейвен более кокетлива и лукава. В настоящее время существовавшее ранее мнение о том, что она являлась британской шпионкой, опровергнуто учеными, однако невозможно не заметить, что Э. Крейвен живейшим образом интересовалась вопросами экономики, торговли, старалась посетить строящиеся в Крыму военные сооружения (порты, форты и т.д.). Она не брезговала осматривать солдатские казармы, умело передвигалась

верхом, привезя с собой из дома дамское седло, за что получила одобрение некоего казачьего начальника.

Элизабет Крейвен интересовало историческое прошлое Крыма, его многонациональные культурные традиции. Это сближает путешественницу с Мэри Уортли Монтегю. Так, леди посетила дом мусульманского судьи-чиновника, имевшего право вершить правосудие по законам шариата, где ее принимала его супруга. Дамы внимательно рассмотрели туалеты друг друга, и Элизабет Крейвен отметила, что жена кадия была одета в долиман – турецкую длиннополую одежду с пуговицами на груди и узкими рукавами. Жена кадия, в свою очередь, обратила внимание на перчатки гости. Удивленная вниманием женщины к этому предмету одежды, Элизабет Крейвен сняла перчатки.

Следует отметить, что Мэри Уортли Монтегю проявляет большую деликатность в оценках, нежели Элизабет Крейвен, которая в 38-м письме высказывает неудовольствие многими блюдами, поданными ей в доме майора, одобрительно отзываясь лишь о свежем масле, сбитом из молока буйволицы.

Путешествуя по Бахчисараю, английская леди была приглашена на обед к некоему казачьему чину. Ее хорошо угощали жареной свининой и бараниной, но Элизабет Крейвен осталась абсолютно довольна исключительно молочными продуктами. Также путешественнице предложили продегустировать более 30-ти донских вин. Попробовав несколько сортов, она похвалила их и не стала дегустировать остальные.

В целом же культурные традиции народов, населяющих Крым, остаются непонятными представительнице туманного Альбиона. «Природную музыку русских мужиков» [2, 268] она воспринимает как «странную»: «В песнях их трактуется об охоте, или главная цель их состоит в подражании разных степеней удалства. Они очень забавны» [2, 269]. Вполне возможно, что русскими песнями Элизабет Крейвен называет татарские, ведь повествуя о «странной пляске» [2, 278] женщины и мальчика, она подчеркивает, что этот ритуальный танец ей не понравился.

Не оценила путешественница и культовые исламские сооружения. Мечети кажутся ей некрасивыми, унылыми, лишь высокие минареты производят на нее впечатление.

Все, что видит Элизабет Крейвен в Крыму, она подвергает критике: Ханский дворец в Бахчисарае построен, с ее точки зрения, «неправильно»: «Большая его часть состоит в одном жилье, которое поддерживается деревянными столбами» [2, 286–287]. Леди отмечает: «Я нигде не видела такого соединения красот золота, серебра и разных цветов, вместе смешанных, как здесь» [2, 288].

Не слишком лицепрятно отзывается писательница и о ханских министрах – знатных татарах. Она обнаруживает их недостаточную образованность, заявляя, что они несведущи в географии: «ни малейшего понятия о местоположении своей земли» [2, 288] и иронично замечает, что для этих высокопоставленных особ «Англия и Петербург – все одно» [2, 288].

Обедая у сестры первого ханского министра – каймакана, Элизабет Крейвен удивляется тому, что их дом нечист и плохо убран, почти весь татарский стол составляют «жир и мед» [2, 292–293].

Как истинная женщина, английская леди обращает внимание на дорогое платье хозяйки, пояс которого расшит изумрудами, платье впечатляет ее, чего нельзя сказать о его обладательнице: «Она не дурна и не стара; но как судить о лице, покрытом неприятным лаком, и где брови насурмлены и соединены прямою линией, которая идет вдоль по носу» [2, 293].

Сестра министра угостила путешественницу бокалом шербета, который Элизабет Крейвен назвала в своих письмах «родом дурного лимонаду» [2, 293], а затем кофе с конфетами. О том, что было вкусно, английская дама умолчала.

В Судак леди посещает дом губернатора и находит его прекрасным, как, впрочем, и все, что построено «русскими» [2, 297].

Удивительно, что английская путешественница почти не обращает внимание на пышную крымскую растительность и лишь отмечает, что природа побуждает население

к трудолюбию: «Признаюсь, весьма бы я желала, чтоб Английское селение завело здесь фабрики моего отечества. Оно обогатило бы эту страну, основало бы на этих берегах безопасную и знатную торговлю, научило бы греков, всегда угнетенных в их островах, трудолюбию и честности. Вывело бы бесчувственных турок из роскошной и слабой беспечности и подало бы способчастливым своим кораблям, проходя через архипелаг и Средиземное море, благополучно пристать к английским гаваням, находящимся на опасных для них, а для нас благополучных берегах нашего острова» [2, 304].

Элизабет Крейвен по сути высказывает мысль о том, что Крым подходит Англии и для торговли, и для мелкого регионального производства, однако подается она под привычным «английским соусом» – путешественница мечтает о том, чтобы все народы стали единым семейством и объединились во имя общего блага – «оставили несправедливости, тщеславие и алчные откупы. У меня много планов с этой землей, сделанных в точности и хорошо растушеванных» [2, 305]. Последнее процитированное предложение опровергает предшествующий вывод – европейцы, несомненно, гораздо лучше сумеют воспользоваться этой землей, нежели представители восточной цивилизации. Что же касается России, то она воспринимается Элизабет Крейвен как страна, находящаяся на «стыке» Европы и Азии, и призванная многому научиться у цивилизованной Англии, поскольку русские достаточно умны и восприимчивы. Отсюда следует, что со временем Россия сможет занять в Европе некое подходящее ей место.

Таким образом, в разные периоды XVIII века две английские леди посетили так называемые нецивилизованные страны – Турцию и Крым, незадолго до этого вошедший в состав Российской Империи, и оставили ориентальные травелоги, выдержанные в эпистолярной форме. Обе они вели себя как настоящие представительницы Альбиона, придерживающиеся принципа «иерархии цивилизаций». Однако Мэри Уортли Монтегю во время довольно длительного пребывания в Стамбуле постепенно отступает от мнения о том, что мусульманская цивилизация находится на более низкой ступени развития, нежели христианская. Достаточно эмансипированная английская дама, письма которой Элизабет Крейвен принимает за мужские, находит немало положительных сторон в жизни Османской Порты. Возможно, здесь сказался статус супруги дипломата, но письма М. Монтегю, на наш взгляд, отличаются искренностью, эмоциональностью. Англичанка готова брать все лучшее, что есть в Турции, чтобы использовать во благо своей стране.

Что же касается Элизабет Крейвен, то в ее травелоге присутствуют крымские «мифы», потому что, как отмечают А.И. Храпунов и Н.В. Гинькут – авторы статьи «Визит знатной дамы: Элизабет Крейвен и ее описание Крыма», «экзотические люди и пейзажи – всего лишь сцена, на которой разворачиваются приключения бесстрашной дамы» [5, 132]. Позволим себе не согласиться с уважаемыми исследователями.

Желая показать себя как истинно европейскую женщину, Э. Крейвен взяла с собой дамское седло для верховой езды, жестяной чайник, шоколад, даже музыкальный инструмент – арфу, который вынуждена была оставить в Петербурге, модные дорогие наряды и аксессуары. Все это не помешало ей составить топографические карты полуострова или получить их у русских военных, изучить различные части полуострова с точки зрения их практического (для Англии!) использования.

Крымские пейзажи, экзотические древние города (например, скальный город Чуфут-Кале близ Бахчисарая) ее совершенно не вдохновляли, в отличие от посещения военных крепостей, солдатских казарм, фортификационных укреплений. Путешественница не только прекрасно разбиралась в породах лошадей, но и живо интересовалась численностью военных гарнизонов, расположенных в Тавриде. Мы полагаем, что подлинно женский взгляд на вещи представлен все же в травелоге Мэри Уортли Монтегю, который Элизабет Крейвен пытается всячески дискредитировать не только, чтобы подчеркнуть собственную роль в открытии этого жанра, но и в силу неких иных причин, в настоящее время опротестованных литературоведами. Круг интересов Э. Крейвен явно далек от женского.

Однако выявить отличия женского ориентального травелога, созданного двумя английскими леди, можно только при тщательном сопоставлении текстов.

1. Ефимовский Евгений. Жанровая специфика травелога // *Art Logos*. 2021. № 1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-traveloga> (дата обращения: 02.09.2025).
2. Крейвен Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. милади Кравен / Э. Кравен; пер. с франц. Д. Рунича. М., 1795.
3. Lady Mary Wortley Montagu. *The letters and works. In two volumes.* London, MDCCCLXL.
4. Свистунов А. «Турецкие письма» Мэри Монтегю 22 марта 2019 г. // URL: <https://vk.com/@lacewars-tureckie-pisma-meri-montegi> (дата обращения: 02.09.2025).
5. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Визит знатной дамы: Элизабет Крейвен и ее описание Крыма // *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки*, 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 122–136.